

Николай Суворов

ДОТАЦИИ И ПРИВИЛЕГИИ УНИВЕРСИТЕТОВ*

Духовные или
мирские
средневековые
университеты?

Ввиду всего сказанного в настоящей главе о дотации и привилегиях университета, а также ввиду сказанного в предыдущей главе о возникновении университетов, нас не должен удивлять вопрос, оказывающийся спорным в литературе и на самом деле далеко не легкий для категорического разрешения: как смотреть на средневековые университеты, — были ли они церковными, духовными корпорациями (*corpus ecclesiasticum*, *collegium ecclesiasticum*) или светскими, мирскими (*corpus* или *collegium laicum*)? Не только некоторыми писателями отстаивался чисто духовный характер средневековых университетов, но и сами университеты иногда называли себя, как, например, гейдельберский, церковными корпорациями. Указывают, во-первых, на самое происхождение университетов из церковных школ, кафедральных или монастырских, и на то, что в некоторых учредительных грамотах университетов представляются органами Св. Духа. Например, в подтвердительной грамоте Альбрехта III венскому университету говорится, что «университет есть дело великое и высокое, служащее к прославлению Творца на небе и распространению Его истинной веры на земле». Людовик баварский в учредительной грамоте университета ингольштадтского выразился так: «из всех благ, которые могут быть дарованы человеку в сей преходящей жизни милостью Всемогущего Бога, величайшие суть учение и искусство, ибо, благодаря им, указывается путь к святой и благой жизни, человеческий разум просвещается правильным познанием, воспитываются добрые нравы, укрепляется христиан-

* Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898. Глава 2. С. 74–106. Продолжение. Начало: Развитие личности. 2005. № 3. С. 199–206; № 4. С. 188–198; 2006. № 1. С. 197–211; № 2. С. 216–236; № 3 С. 236–243.

ская вера, насаждаются справедливость и общая польза, лица самого низкого происхождения достигают высоких должностей и званий – Богу Всемогущему во славу, христианству на утверждение, всем верующим людям на благо, общей пользе и праву на поспешение, потомству на утешение» и т.д. Подобным же образом Рудольф IV в учредительной грамоте фрейбургского университета поставляет цель университета в прославлении милосердия Творца, распространении истинной веры, обучении несведущих, поддержании правосудия, в содействии просвящению человеческого разума, преуспеянию общественного благосостояния и приговору человеческих сердец к озарению их Св. Духом и проч. Англичанин Кэмден называл оксфордский университет «солнцем, оком и душой пресветлой мастерской наук и мудрости, откуда религия, человечность и научная образованность обильнейшим образом распространяются во все части королевства», а Матвей Парижский называл тот же оксфордский университет «основанием церкви» (*fundamentum ecclesiae*). Гейдельбергский университет был основан «в честь Девы Марии и всей небесной свиты» (*zu Ehren der Jungfrau Maria und des ganzen himmlischen Hofstaates*). В университетской капелле Гейдельберга находилось следующее изображение: учитель, окруженный четырьмя учениками, погружен, вместе с ними, в занятия; ученики, склонившись над своими книгами, со всем вниманием слушают объяснение учителем предлежащего текста, – этот учитель есть Христос, а ученики – четыре факультета. Самый повод к учреждению этого университета был церковного характера.

Университеты и
церковный раскол

Когда обнаружился в западном христианстве т.н. великий раскол, т.е. когда Франция с Испанией стояли за авиньонского папу, а Германия, вместе с другими странами, склонялась в пользу римского его противника, между тем в Париже училась масса германцев, затруднительное положение которых осложнялось еще обстоятельством, что германцы в Париже жили доходами со своих церковных бенефиций, находящихся в Германии, – в этот именно момент гейдельбергский университет явился как решительный сторонник папы римского. Дело доходило почти до враждебных выходов против парижской высшей школы, хотя она именно и служила новоучрежденному университету образцом для подражания. Когда в 1387 г. многие магистры, приобретшие свои степени во французской столице, прибыли в Гейдельберг, университет медлил принятием их и, по зрелом обсуждении, решил, что все обязанные своими учеными степенями

канцлеру, назначенному из Авиньона, никогда не будут им признаны. Университет боялся, что признание будет истолковано в смысле заявления в пользу французского папы. А как скоро затем (может быть) те же парижские выходцы попытались повлиять на студентов, вербуя себе приверженцев в тайных собраниях, университет выступил со всею решительностью и не прежде успокоился, как виновники смуты признались, что они и сами сомневаются в правомерности своих титулов. Он отстаивал энергически тот взгляд, что все академические степени, полученные в Париже с известного времени, недействительны. Гейдельбергский университет принимал участие и в борьбе против ересей и, в момент возникновения реформации, получил даже миссию бороться против учения Лютера, что, однако, не помешало ему вскоре же сделаться протестантским. В Рощтоке университет был формально соединен с капитулом. О парижском университете, в котором теология всегда господствовала над всеми научными отраслями, нечего и говорить. Он был могущественным церковным фактором в последовавшую за великим расколом эпоху реформационных или епископальных соборов первой половины XV в., когда во главе целого епископального направления Западной Европы стоял знаменитый канцлер парижского университета Иоанн Герзон (Жерсон). Да и германские университеты в эту эпоху привлекались к участию в реформационных соборах, отправляя от себя делегации на эти соборы.

Университетские здания как убежище

Указывают затем на канцлерскую должность, на инкорпорацию чисто церковных институтов в университет, на их личный состав, на костюм, который обязательно должны были носить члены университета, на то, наконец, что университетские здания, или известные части их, наравне с церковными зданиями, пользовались правом убежища, так что скрывшиеся в них преступники были освобождаемы от угрожавшего им уголовного наказания (т.н. Freyung). Для характеристики отношения университетов к церкви в Средние века можно указать еще и на тот факт, что даже в новой истории и в университетах лютеранских поддерживался церковный характер университета. Например, в Рощтоке учрежденная герцогами мекленбургскими консистория была поставлена в связи с университетом, а в виттенбергских статутах 1595 г. было сказано, что «философский факультет должен быть частью церкви». Академические же акты (диспутации и промоции) и вообще должны были совершаться в храмах и т.п.

Однако и те, которые склонны признать средневековые университеты церковными учреждениями, допускают, что поставленный выше вопрос для разных университетов и в разное время должен быть разрешаем различно.

С особенною обстоятельностью и подробностью трактуется этот вопрос Кауфманом, которому вообще принадлежит лучшая, наиболее полная и наиболее систематическая работа по истории средневековых университетов. Что касается происхождения университетов из церковных школ, кафедральных и монастырских, то о некоторых университетах, как парижский и оксфордский, действительно можно сказать, что корни свои они имеют в церковных школах и выросли на церковной почве, в связи с церковными учреждениями. Зато в отношении к некоторым университетским городам представляется решительно недоказуемою связь университета с какою-либо раньше существовавшею церковною школою, а относительно итальянских университетов можно прямо сказать, что корни свои они имеют не в церковных, а в городских школах. Да и относительно тех университетов, историческая связь которых с церковными школами может быть установлена со всею несомненностью, следует припомнить то, что выше сказано о значении законодательства Карла Великого, следовательно, императорского законодательства, для судьбы школьного дела на Западе. Что папами большею частью издавались учредительные грамоты университетов, — из этого видно только то, что папские привилегии ценились и не могли не цениться, потому что только папа один мог, например, освободить штудирующее духовенство от соблюдения канонического закона о резиденции, а по всему складу средневековой жизни духовенство именно и должно было составлять главный контингент для наполнения университетов. Поэтому-то даже и такие высшие школы, которые возникли независимо от всяких учредительных грамот, просуществовав долгое время, так сказать, по обычаю (*ex consuetudine*), считали нужным заручиться папскою учредительною грамотою, хотя папы вовсе и не думали отрицать юридическое существование высших школ за время, предшествующее изданию грамоты. К папе обращались, притом, не как к духовной только власти, а как к власти универсальной, к которой, при религиозном укладе Средних веков и при полном смешении светского с духовным, обращались даже и города, т.е. чисто светские корпорации, с прошениями о даровании привилегий. Так как и император, по

Различия
в церковных
и светских корнях
университетов

сознанию Средних веков, представлялся таковою же универсальной властью, то университет или город обращались и к императору с прошениями о даровании учредительной грамоты. Некоторые университеты так и остались с одною лишь императорскою учредительною грамотою. И если случалось, что, например, гейдельбергский университет старался доказать, что он есть «*corpus ecclesiasticum*», то, напротив, великий церковный авторитет Фома Аквинский, преподаватель парижского университета в XIII в., когда церковное влияние во всех областях жизни господствовало более чем когда-нибудь, говорил, что «*collegium scholasticum*» не есть «*collegium ecleiasticum*». А что в учредительных грамотах университетов – добавим еще – делалось сильное ударение на церковном значении высших школ, то опять-таки религиозный дух времени, которым проникался весь склад средневековой жизни, дает ключ к пониманию выражений, подобных вышеприведенным. Мысль, содержащаяся в этих выражениях, могла быть сформулирована и иначе. Например, Альбрехт VI, эрцгерцог австрийский, в грамоте фрейбургскому университету выразился, что он желал, заодно с другими христианскими государями «ископать кладязь жизни, из которого бы во все концы мира почерпалась просвещающая вода утешительной и спасительной мудрости, для погашения пагубного огня человеческого неразумия и слепоты». Но ведь это такой язык, которым мог бы говорить и в настоящее время учредитель университета.

Канцлерская должность также не может служить доказательством того, что средневековой университет был церковною корпорацией. Канцлер не был органом церкви в смысле представителя первоначального права церкви на руководство занятиями в университетах. В Париже развитие канцлерской должности, в смысле такой именно руководственной власти, условливалось местными обстоятельствами: источником этой руководственной власти было там право *определенных* церковных учреждений на руководство *определенными* школами, а не право всеобщей церкви. Старинная канцлерская лицензия существенно различалась от той лицензии, которую впоследствии преобразованный Наполеоном I парижский университет давал всякому открывающему учебное заведение на пространстве всей Франции. Правда, в итальянских французских, и германских университетах канцлерская должность часто учреждалась папой, правда, что и в Париже самом канцлер стал считаться представителем не епи-

Университеты
и канцлерская
должность

скопа, а папы, так что университет даже отказывался признавать лицензию, полученную от епископа во время вакантности канцлерской должности: но тут мы опять встречаемся не с духовною, а с тою же универсальною, светскою и духовною, дела обнимающею властью, которая приписывалась папе в Средние века.

Канцлер часто назначался и императором, даже и государем какой-либо отдельной территории. В Неаполе действовал королевский великий канцлер, а после него королевский капеллан. В Германии императоры переносили иногда право давать лицензию на т.н. дворцовых графов (пфальц-графов, *comites palatini*), конкурировавших с университетскими канцлерами, или даже сами возводили в ученые степени. Правда, император Сигизмунд выразился однажды, что он в один день может произвести тысячу невежд в рыцари, но и в тысячу лет не может сделать хотя бы одного кого-либо доктором. Но о позднейшем императоре Фридрихе III известно, что после своего императорского коронования он многих в Италии возвел в доктора собственною властью. Эней Сильвий (впоследствии папа Пий II) в своей истории Фридриха говорит, что император возвел в доктора в Италии многих, обладавших вместо знания деньгами (*multos doctores Caesar in Italia promovit quibus aurum pro scientia fuit*). Тот же Фридрих, в 1463 г. подтверждая привилегии герцогов австрийских и давая им титул эрцгерцогов, в виде увеличения и расширения их прав предоставил им креировать магистров и докторов императорского (т.е. римского) права, медицины и семи свободных искусств, воздержавшись от включения в сферу эрцгерцогских правомочий возведения в степени по теологии и каноническому праву, очевидно, во избежание конфликта с папой. Франкфуртский канцлер называл себя канцлером в силу апостольского и императорского авторитета». Еще гораздо раньше король Яков I аррагонский, назначив канцлером леридского университета кафедрального каноника, оговорился, что он делает это с целью почтить церковь и университет, но что отнюдь не следует считать, на этом основании, канцлерскую должность церковною должностью. Польский и венгерский короли оставили за собой право назначения канцлера в университеты краковский и фюнфкирхенский, а позднее король Владислав, назначая канцлером новоучрежденного бреславского университета местного епископа, мотивировал свое назначение тем, что епископ бреславский есть первый между баронами Силезии. Для Вены и Ингольштадта канцлеры были назначены князьями.

Назначение
канцлера
императором или
государем

А всего интереснее то, что в Падуе сами доктора, по своему свободному решению, предоставили епископу падуанскому утверждение промоций, и лишь позднее папа подтвердил за епископом это право, как он сам говорит, давным-давно существовавшее.

Между церковной
и светской властью

Если, далее, университеты дотировались церковными бенефициями, то что же из этого следует? — спрашивает Кауфман. — Разве вассалы епископов и аббатов, получавшие церковные лены, становились через это клириками? Или разве становились церковными актами те предприятия, на которые князьями трагались церковные доходы? А с другой стороны, разве князья и города не обеспечивали университетов и своими собственными средствами, не назначали жалованья профессорам, не жертвовали домов, земельных участков и проч.? Кельнское духовенство, например, далеко было от воззрения на университет, как на *corpus ecclesiasticum*, когда ему представлялось чем-то в роде секуляризации предоставление кельнскому университету церковных бенефиций. Справедливо, конечно, указывается на то, что из числа корпораций, на которые расчленился университет, некоторые, несомненно, принадлежали к церкви, например, монастырские или орденские школы, капитулы Св. Духа в Гельдейберге, св. Стефана в Вене, св. Николая в Рощтоке и проч., а коллегии и бурсы в университетах имели устройство, скопированное с монастырского, как и разные привилегии университетские были скопированы с тех, под защиту которых ставились права и владения церкви. Но можно лишь сказать, что всем этим, создавались тесные связи и многообразные аналогии между университетами с университетскими учреждениями, с одной стороны, и между церковью с ее учреждениями — с другой. Например, в отношении к изъятию от светской подсудности или от налогов члены университета ставились в положение клира, а так как и на самом деле большая часть магистров и школяров была духовного звания, то нетрудно объяснить себе, каким образом университеты могли трактоваться как церковные учреждения, или каким образом школяры, даже и не духовного звания, все огулом, назывались «клириками» (*clerus universitatis*), или «полупопами» (*Halb-papen, Halbe-Priester*), а например, студентский квартал в Вене назывался «поповским городом» (*die Pfaffenstadt*). Но все-таки и подобные выражения были лишь неточными выражениями, и если сами университеты желали выдавать себя за церковные учреждения, то это делалось обыкновенно с расчетом утилизировать связь свою с церковью для ограждения ее

оружием своей неприкосновенности. Венский университет, например, отказывался долго дать присягу на верность императору, и хотя т.н. *rotulus* далеко не всегда с аккуратностью доставлялся из Вены в Рим, но при всяких конфликтах университета со светским правительством, когда можно было бояться опасностей и потерь, а также в военное время, когда можно было ожидать давления на духовное сословие со стороны государства, университет демонстративно отправлял «*rotulum*», желая этим показать, что в папе он имеет могущественного протектора. А с другой стороны, и церкви приходилось утилизировать свою связь с университетами в эпоху великого раскола или в эпоху разрыва между папой и собором, когда для борющихся церковных сил было далеко не безразлично, за которую из них выскажутся авторитетные ученые корпорации. Вообще, разные неточные обороты речи, с которыми может встретиться исследователь по истории средневековых университетов, не имеют никакой доказательной силы ввиду того неотразимого факта, что принадлежность к университету никого не делала духовным лицом, и что университет, хотя признавал над собою власть папы, органам церковной власти в порядке управления не подлежал.

Духовные и миряне
как члены
университетов

Относительно личного состава университетов и относительно костюма нужно сделать еще некоторые дополнительные замечания. В Париже, который служил образцом для большей части германских университетов, богословский факультет составлялся исключительно из духовенства. Факультет декретистов допускал и мирян, но миряне не могли вступать в брак. На факультете искусств не допускались преподаватели монахи, миряне допускались, но только с обязанностью безбрачия. Из факультета медицины исключалось вообще духовенство – и монашествующее, и белое, – но мирянам, составлявшим этот факультет, дано было дозволение вступать в браки не раньше 1452 г., а юристам и артистам брак еще и в XVI в. запрещался (о теологах нечего и говорить). В Гейдельберге первый женатый лицензиат на факультете артистов оказался в 1398 г., но данный субъект объяснил, что у него есть жена, уже после выдержания испытания и по представлении канцлерской лицензии. Лицензия за ним осталась, но с отобранием присяги в том, что он никогда не будет присутствовать в совете – ни университетском, ни факультетском. В том же Гейдельберге возникло столкновение между курфюрстом и университетом по поводу допущения к профессуре одного женатого медика с предоставлением ему церковной бенефиции, соединенной с профессурой. Курфюрст ходатайствовал об этом пред папой, и папа дал разрешение; но

университет сам долгое время сопротивлялся желанию курфюрста, и дело разрешилось таким компромиссом, что профессура, соединенная с церковною бенефицией, должна быть занимаема медиком духовного звания, но наряду с нею создается другая профессура для мирянина, обеспечиваемая из университетских средств. При этом именно случае университет аргументировал, что он есть «*corpus ecclesiasticum*». Стоя на этой точке зрения, гейдельбергский университет доходил до мысли вообще закрыть доступ мирянам, другими словами, духовное звание сделать условием имматрикуляции; но провести подобную идею оказалось невозможным.

Ректору непременно
быть женатым
мирянином

Для ректора университета во всяком случае и в особенности считалось неприличным быть мирянином, и притом женатым. В Ингольштадте даже в XVI в. ходатайство герцога баварского об уничтожении обычая безбрачия ректора оставлено было папой без удовлетворения. Духовное звание требовалось от ректора даже и в итальянских университетах, где не только для школяров, но и для профессоров никогда не была обязательно принадлежность к духовному званию. Ко всему сказанному следует, однако, добавить, что недопущение в средневековые университеты женатых имело свою причину не столько в безбрачии духовенства, сколько в утвердившемся академическом обычае воззрении о несовместимости брачного состояния с наукой. Ведь даже и те профессора и школяры, которые принадлежали к духовному званию, в большинстве имели только низшие степени сана (*ordines minores*), не налагающие и по каноническому праву обязанности безбрачия. Против имени одного профессора в венских матрикулах сохранилась пометка: «впав в безумие, женился» (*uxorem duxit versus in dementia*): чем-то не только необычным и экстравагантным, а прямо безумным считалось вступление в брак. Другого ученого, имевшего низшую степень духовного сана и нажившего детей, даже убеждали жениться, но он отделялся таким остроумным рассуждением: «я имею детей, как свойственно мирянину, но не имею жены, как это подобает духовному лицу». Что касается ректора в особенности, должно добавить, что безбрачие и принадлежность его к духовному званию требовались потому, что ректору нужно было держать суд над членами университета, большинство которого было из духовного звания, а мирянин был бы некомпетентен судить духовных магистров и школяров. Но и для ректора достаточно было иметь низшую степень духовного сана, которая, сама по себе, как сказано, не

обязывает к целибату; монаха же строжайше воспрещалось выбирать в ректоры.

О костюме членов университета нужно сказать, что он не был специфически-духовным или клерикальным костюмом: это был именно особый школьный костюм (*vestitus scholasticus*, а не *vestitus clericalis*) – длинный сюртук-подрясник без разрезов, сдерживавшийся на теле поясом, и длинный плащ с прикреплявшейся к нему шапкой вроде башлыка, все это обыкновенно темного или серого цвета. Во Франции университетское официальное одеяние – красное, отороченное мехом – скорее походило даже на одеяние магистратуры, чем на костюм духовенства. Из борьбы, на которую указывают университетские статуты Германии, против разных уклонений школяров от установленного костюма, справедливо заключают, что члены университета были далеки от скромного духовного одеяния, а напротив, позволяли себе даже не совсем понятные для нас экстравагантности: не говоря о ношении оружия, о сапогах с длиннейшими носами, о разрезах на платье, открывающих тело, статуты воюют с роскошными брызжами на шее, нагрудниками, с корсетами, с панталонами разных цветов для каждой ноги и т.п.

(Продолжение следует)

Костюм членов
университета

